

Зыгмонт А.И.

Отвратительное сакральное: о влиянии Ж. Батая на "Власти ужаса" Ю. Кристевой

Историки философии обычно не подвергают сомнению влияние Ж. Батая на Ю. Кристеву, но объем, и, что важнее, содержание этого влияния все еще представляется определенной проблемой. Цель доклада - рассмотреть влияние мысли Батая на одну из ранних работ Кристевой - "Pouvoirs d'horreur. Essai sur l'abjection" (1980), и в частности, на ее концепты отвратительного, сакрального и Матери¹.

В 1972 г. она делает доклад "Батай, опыт и практика" на посвященном Арто и Батаю коллоквиуме, собранном авангардной группой Tel Quel. Представленную в нем интерпретацию мысли французского философа можно полагать наброском концепции, которая позднее будет предложена во "Властях ужаса": Кристева рассматривает субъектность говорящего существа как то, что каждый раз конструируется заново в перспективе *не-* или *до-* дискурсивного опыта *инородного* [hétérogénéité]. Это понятие было введено Батаем в 30-е гг. и обозначало совокупность всего того, что исключено из "нормальной" жизни общества и при этом конституирует его как единое целое. То же самое верно и в отношении индивидуальной субъектности: Кристева пишет, что опыт "непосредственности инородного... взрывает иллюзию цельности" говорящего существа, и, противопоставляя его самотождественности *разрыв, растворение, смерть*, тем самым осуществляет ее "пересборку"². Инородное, или "до-дискурсивная материальность", представляется ей как первоначало языка и мышления, отброшенным за их пределы.

Центральный концепт "Властей ужаса" - abjection, - заимствован из статьи Батая с плохо переводимым названием "L'abjection et les formes misérables"(1934). Здесь это понятие обозначает движение исключения [exclusion], оформляющее область инородного: это может быть как индивидуальное *отвращение*, так и коллективное *унижение* социальных низов³. Это движение оформляет субъектно-объектное отношение человека или общества к своему *иному* и лежит в основе субъектности того и другого. Кристева переводит этот концепт на язык психоанализа и связывает с *первовытеснением* как отправной точкой индивидуации. Отвратительное открывается на границе субъектно-объектного различия, ставит идентичность под сомнение и тем самым формирует ее: "отвратительное одновременно созидает и расплывает субъект"⁴. Кристева использует также концепцию амбивалентности сакрального и связывает отвратительное с негативным сакральным - нечистотой или скверной, которое ограждается позитивным сакральным - Богом. Примечательно, что Батай также полагал, что сакральное изначально возникает как "левое" и затем движется слева направо. В перспективе отвратительного субъект переживает также зияющую пустоту, нехватку [manque] некоего псевдообъекта - того, что было отброшено им для того, чтобы он мог стать самим собой. Это "нечто" - Мать, или материнская целостность [l'entité maternelle]⁵.

Концепт Матери как имманентного первоначала, от которого отделился обладающий самосознанием человек, сопоставим с концептом *жизни* в послевоенных сочинениях Батая.

¹ Французское *pouvoir* эквивалентно английскому *power* и в данном случае должно интерпретироваться не как *сила* (как это обычно делается в случае Кристевой), а как *власть*: в этом смысле оно встречается в таких выражениях, как *séparation des pouvoirs* ("разделение властей") или *quatrième pouvoir* ("четвертая власть") и, что даже более существенно, в терминологии Мишеля Фуко. Поэтому мы полагаем более корректным перевод "Власти ужаса", который вынесли в заглавие доклада и будем использовать в дальнейшем.

² Kristeva J. *Bataille, l'expérience et la pratique*, in Sollers P. (ed.) *Bataille*. Paris, Union Générale d'Éditions, 1973, p. 277.

³ Bataille G. *L'abjection et les formes misérables, Œuvres complètes*, t. II, pp. 217-221.

⁴ Kristeva J. *Pouvoirs de l'horreur. Essai sur l'abjection*, Paris: Éditions du Seuil, 1980, p. 12.

⁵ Ibid., p. 20.

В обоих случаях это состояние изначального субъектно-объектного тождества, непосредственности животного бытия в мире "как вода в воде"⁶, которое в результате трагического разрыва оканчивается рождением мучительно отделенного, различного субъекта. Жизнь для Батая - это жизнь в ее органичном единстве со смертью, но для человека это также и потерянный рай "утраченной целостности", возвращение к которой возможно лишь в опыте смерти - в эротизме, войне и жертвоприношении. Мать Кристевой также амбивалентна, она дает жизнь и смерть как *смертную жизнь* [vie mortelle], крайнее выражение которой - родильная горячка, буквально умирание того, что животворит⁷. Поэтому влечение к "потерянному раю" пренатального состояния - это влечение к смерти. Наконец, если для Батая разрыв с имманентностью осуществляется посредством труда и создания мира вещей, то для Кристевой его осуществляет язык, связанный с фигурой воображаемого Отца - Бога, - и основанный на создании бинарных оппозиций, которые отсутствуют в *неназываемом* хаосе материнского.

---

⁶ Bataille G. *Théorie de la religion, Œuvres complètes*, t. VII, p. 292.

⁷ Kristeva J. *Pouvoirs de l'horreur. Essai sur l'abjection*, pp. 187-190.